

никновения элементов ближневосточной культуры, включая мусульманскую, в грекоязычную среду. Комментарий к ряду пассажей 10—14-й глав «Откровения» Псевдо-Методия Патарского дан в статье А. Кариотоглу. Оценивая текст этого памятника с точки зрения византийской политической пропаганды, автор, в частности, предлагает новое толкование слов *ἀποστασία* (сир. мардута) и *πίδεια*. По его мнению, «апостатами», которых ожидало неминуемое «поучение», были как сами мусульмане, так и находившиеся под их властью христиане¹⁶.

Весьма интересный позднегреческий «Роман о Магомете» впервые опубликовал по рукописи Пантелеймонова монастыря на Афоне (№ 110) А. Аргириу. Издатель снабдил публикацию французским переводом и обширным комментарием. Ученые получили текст, на основании которого можно судить о специфике восприятия образа основателя мусульманской религии в христианском мире, в первую очередь греческом¹⁷.

Две статьи ГА посвящены военному аспекту арабо-византийских контактов. Т. Колиас систематизировал по «Тактике» Льва VI представления византийцев об арабах как военном противнике. Главные аспекты, которые привлекали в этом плане внимание Льва VI, были приемы ведения арабами военных действий на море и на

суше, типы их вооружения, военная выучка и «рекрутский набор». Фрагменты перевода на арабский язык греческого текста «Навмахии» — другого сочинения Льва VI — в трактате Ибн Манкали «Ал-Ахкам фи Фан ал-Китал фи-л-Бахр ал-Мулукия ва-л-Давабит ал-Намусийа» исследованы В. Христидисом. Особенное внимание автор уделил византийским и арабским морским терминам. Он приложил к своей статье их двуязычный список. Об упоминании арабского летосчисления (*κατὰ ἹΑραβας*) в палестинских папирусах и эпиграфических памятниках говорится в статье Й. Меймариса, который доказал, что за 77 лет до введения летосчисления по хиджре (637 г.) в Палестине существовала арабская система датировки событий, использовавшая македонские месяцы и византийские индикты. После введения летосчисления по хиджре та же формула приобрела иное содержание: теперь под словами *κατὰ ἹΑραβας* стали подразумевать мусульманскую датировку.

Заключая обзор, можно с полным правом сказать, что охарактеризованные здесь работы вносят весомый вклад в разрушение традиционного представления о якобы непроницаемом «барьере», отделявшем мир ислама от греко-христианского мира Византии.

Н. И. Сериков

- ¹⁶ Очевидно, автору остались неизвестными две недавно вышедшие статьи: *Кривош М. В.* Откровение Псевдо-Методия Патарского как отражение народных взглядов на арабское нашествие // ВВ, 1983. 44. С. 215—221; *Reinink G. J.* Der Verfassersname «Modios» der syrischen Schatzhöhle und die Apokalypse des Pseudo-Methodios // ОС, 1983. 67. S. 46—64. Последний, кстати, предложил считать «Откровение» и сирийский апокрифический памятник «Пещера сокровищ» принадлежащими перу одного и того же автора. Сравнение двух памятников с целью выявить способ выражения в них идея отступничества, вероятно, могло бы подкрепить выводы А. Кариотоглу.
- ¹⁷ См. также: *Khoury A. T.* Les théologiens byzantins et l'islam. Textes et auteurs, VIIIe—XIIIe s. P., 1969. T. II. P. 167—168, 175.

Eliz. A. Zachariadou. Romania and the Turks (c. 1300—c. 1500). L. (Variorum Reprints), 1985. 304 p.

В сборнике статей Элизабет А. Захариаду, работающей в университете г. Ретими (Крит), помещено 17 работ, вышедших в 1962—1982 гг. в различных периодических изданиях и сборниках (на английском, французском, греческом и итальянском языках). Он открывается двумя статьями «Замечания по поводу некоторых тюркских слов в сочинении Пахимера» (№ 1) и «Пахимер о династии „Амурион“ — правителей Кастамону» (№ 2). В обеих статьях автор идентифицирует ряд тюркских имен, титулов и слов, обозначающих профессию и встречающихся в сочинении византийского историка. Результаты исследования такого рода во многом проясняют некоторые «темные» эпизоды сельджукской истории последних десятилетий XIII в. В особенности это относится к статье о тюркских правителях Кастамону (№ 2). В целом обе статьи можно считать полезным до-

полнением ко второму тому «Византино-турки» Д. Моравчика. Правда, одно из самых загадочных тюркских слов (*Σάλπακис* или *Σαλαμπакис*) в «Истории» Георгия Пахимера не стало предметом изучения Захариаду (№ 1, с. 261). Свой вариант прочтения она предложила в недавно опубликованной монографии: по мнению исследовательницы, *Σάλπακис*, или, как его называет в одном из своих писем Максим Плануд, *Σαλαμάττις*, — это Саламат, имя тюркского бея из династии Ментешеогулары¹. С такой дешифровкой трудно согласиться; скорее всего, в данном случае перед нами — первые упоминания византийскими авторами титула «челеби» (конъектура: *Σαλαμάττις* = *Σαλαμπής*), широкая распространенность которого среди анатолийских беев в XIV в., на наш взгляд, была связана с пропагандистской деятельностью суфийского братства мевлеви².

¹ *Zachariadou E. A.* Trade and Crusade: Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin (1300—1415). Venice, 1983. P. 105—106. См. нашу рец.: ВВ, 1986. 47.

² См. нашу статью: Еще раз о слове «челеби» // СТ, 1986 (в печати).

В третьей статье сборника «Трапезунд и турки (1352—1402)» рассмотрены взаимоотношения трапезундских императоров с тюркскими беями в период от начала распада центральноанатолийского государства Эретны (1341—1352) до вторжения Тимура в Малую Азию. Исследование строится в основном на материалах двух источников: трапезундской хроники Михаила Панарета и истории правления Кади Бурханеддина, написанной Астрабади (в статье использован подробный пересказ содержания этого сочинения, данный в работе Г. Гизеке). По мнению Э. Захариаду, середина XIV в. — это временной рубеж, обозначивший резкое изменение в политике трапезундских императоров по отношению к соседним мусульманским правителям: был осуществлен переход от военной конфронтации к союзам, скреплявшимся династическими браками. Первый брачный альянс (сестры императора с Кутлу-беем в 1352 г.) имел целью, считает автор, обезопасить границы империи от набегов турков, входивших в племенную федерацию Аккойунлу (№ 3, с. 339—340). Отличительной чертой этого и последующего браков было то, что женами тюркских беев становились отнюдь не побочные дочери трапезундских императоров. Подобная практика, по словам исследовательницы, разительно отличалась от обычаев Константинополя, где обычно за восточных «варваров» выдавали только незаконнорожденных дочерей (исключением был лишь поступок Иоанна VI Кантакузина, в 1346 г. отдавшего свою дочь Феодору в гарем османского султана Орхана). Впрочем, отмечает Э. Захариаду, в византийской столице даже трапезундцев воспринимали как «варваров» (№ 3, с. 338—339).

Последовательно рассмотрев историю династических браков (1358 г. — с Ибрахимом Хаджи-эмиром; 1379 г. — с Таджедином Челеби; с Муттахареном (Тадхиреном) — после 1379 г.), Э. Захариаду приходит к выводу, что эти matrimониальные союзы принесли ожидаемые результаты. Во-первых, удалось обезопасить границы империи; во-вторых, были достигнуты две цели торгово-экономического характера, а именно: обеспечена безопасность на караванных путях от понтийского побережья к Байбурту и Эрзинджану, а также сохранен контроль над понтийскими гаванями. И то и другое было жизненно важно для Трапезундской империи, само существование которой во многом зависело от положения дел в международной торговле.

В статье «Мануил II Палеолог о борьбе между Баязидом I и Кади Бурханеддином Ахмадом» (№ 4) показано, что письма византийского императора представляют интерес не только как источник по сравнительно бедно освещенному византийской историографией периоду истории Византии (1382—1417). Эпистолярное насле-

дие императора содержит и драгоценные для исследователя детали, позволяющие более полно представить некоторые факты ранней истории Османской державы, в частности относящиеся к объединительной деятельности Баязида I после битвы на Косовом поле (15 июня 1389). В Анатолии упорное сопротивление централизаторским устремлениям османского султана оказывал в течение нескольких лет Кади Бурханеддин Сивасский, еще в 1381 г. захвативший власть в государстве Эретнидов. В первом военном походе против правителя Сиваса принял участие Мануил II, вассал султана Баязида I. Восемь писем византийского императора (особенно № 14, 16, 18, 19 и 20 в издании Дж. Т. Денниса), которые Э. Захариаду датирует второй половиной 1391 г., освещают ход кампании глазами очевидца. Исследовательница делает интересное предположение о побудительных мотивах этих писем. Послания адресованы разным лицам, но большая часть — Димитрию Кидонису, византийцу венецианского подданства. В этом Э. Захариаду усматривает стремление Мануила информировать своих союзников-венецианцев о действиях Баязида в Анатолии (№ 4, с. 471).

Тщательный анализ фактического материала, содержащегося в письмах Мануила II, дал основание Э. Захариаду критически оценить описание военной кампании 1391 г. панегиристом Кади Бурханеддином Астрабади в сочинении «Баэм у разм», и в этом — главный итог проведенного исследования.

Тема статьи «Афинские каталонцы и турецкая экспансия в Эгейде» (№ 5) — каталонско-турецкий союз, оказавший, особенно в первой половине XIV в., существенное влияние на политическое развитие Восточного Средиземноморья. Предыстория этого союза (участие турков в походе Каталонской Компании) известна довольно хорошо³, менее изучены взаимоотношения каталонцев и турков после создания в Средней Греции каталонского герцогства с центром в Афинах (1311—1388 гг.). Э. Захариаду рассматривает треугольник сил: 1) Венеция и ее владения в Романии, 2) Афинское герцогство, 3) тюркские эмираты, в первую очередь Айдын и Менгеше. Она выделяет три вехи, обозначившие, по ее мнению, перемены в расстановке этих сил. На первом этапе (до 1318 г.) между турками и венецианцами существовал *modus vivendi*. На втором этапе (1318—1329 гг.) союз каталонцев с турками (одной из побудительных причин его создания была борьба каталонцев и венецианцев за Негропонт) превратился в серьезную угрозу для Венеции. Турки совершают отдельные набеги на Негропонт, Санторини, Карпатос (1318 г.), вскоре сменяющиеся широко-масштабными военными операциями. Грозой венецианских владений в Эгейском море стал Умур-паша Айдыноглу.

³ См., например: *Wittek P. Yazicioghlu 'Ali on the Christian Turks of Dobruja // BSOAS, 1952. XIV. P. 662—667; Hernandez Fr. The Turks with the Grand Catalan Company, 1305—1312 // Bogazici University Journal, 1974. 2. P. 25—45.*

В 1327 г. флот айдынцев атаковал даже побережье Морей. Своего апогея каталонско-турецкий союз достиг в 1328 г. во время каталонско-венецианской войны на Негропонте, когда турки высадились на остров и приняли участие в боевых действиях.

Крушение союза пришлось на 1329 г., чему причиной, полагает Э. Захариаду, был провал политики генерального викария Афинского герцогства дона Альфонсо Фадрикс. Его действия вызвали отпор со стороны папы, чьими стараниями была создана лига против «схизматиков» (каталонцев) и турков — в составе Венеции, неаполитанского короля Роберта Анжуйского, правителей Таранто и Ахайи (№ 5, с. 832—833). Организация лиги и военные приготовления «законного» претендента на герцогство — Готье VI де Бриенда вынудили дона Альфонсо искать мира с Венецией. По мнению Э. Захариаду (№ 5, с. 834), предварительное мирное соглашение было заключено уже в 1329 г. (ратификация договора состоялась в 1331 г.). Мир между венецианцами и каталонцами совершенно не устраивал турецких эмиров, поэтому, думается, вполне оправданно предположение Э. Захариаду о том, что нападение айдынцев на Афины, о котором говорится в турецкой поэтической хронике Энвери, следует отнести именно к 1329 г. (№ 5, с. 833, примеч. 67). Исследовательница подкрепляет свою гипотезу соображениями, высказанными в небольшой статье, также помещенной в сборнике (№ 6), в которой дан анализ источника «Илал об Афинах», повествующего о нападении персов (турков-айдынцев) на Афины и разграблении города.

Опубликованные после выхода в свет известной монографии П. Лемерля⁴ источники и разработки (к которым в первую очередь можно причислить исследования Э. Захариаду), на наш взгляд, делают необходимой новую попытку исторического комментария такого уникального источника, как хроника Энвери. Более точная хронологическая привязка различных частей источника (в своем сочинении, составленном в 1465 г., Энвери использовал, в частности, эпическое сказание о деяниях Умура Айдыноглу, созданное в середине XIV в.), несомненно, заставила бы зазвучать по-новому не одну страницу поэмы.

Завершая рассмотрение важного периода в истории каталонско-турецких связей, Э. Захариаду делает вывод, в соответствии с которыми военно-политический союз с каталонцами значительно облегчил турецкую экспансию в бассейне Эгейского моря. Крах этого альянса в 1329 г. побудит турков искать нового союзника, каковым стал Иоанн Кантакузин. Новый союз принес туркам новые успехи.

Тема каталонско-турецких связей (возможно, даже второй половины XIV в.), по-видимому, еще будет привлекать внимание исследователей; кроме того, самостоятельный интерес, особенно для ориенталистов, представляет вопрос: был ли обусловлен каталонско-турецкий союз лишь объективными причинами, или же в его создании определенная роль принадлежала также восточной дипломатии, не раз демонстрировавшей свое искусство в последующие времена?

Только что резюмированная статья Э. Захариаду, а также ряд других статей сборника (№ 7, 8 и 9) — это разработки, материалы и выводы которых в значительной степени вошли в ее уже упоминавшуюся монографию. Такова статья «Эртогрулбей — правитель Теолого (Эфеса)» (№ 8), посвященная одному из эпизодов достаточно запутанного сюжета раннеосманской истории — завоеванию Баязидом I анатолийских эмиратов. В свете данных нотариального документа, опубликованного Д. Джоффре (см. ниже), автор предпринял здесь попытку проследить судьбу старшего сына Баязида I — Эртогрула Челеби. Анализ документа, проведенный Э. Захариаду, не вызывает возражений, но с некоторыми выводами статьи трудно согласиться. На наш взгляд, именно Эртогрул стал правителем во всех приморских вилайетах (в том числе и в Айдынском) практически сразу же после османского завоевания. В пользу этого говорят не только хроники Идриса Бидлиси и следующих ему османских историографов Садеддина и Хюсейна, но и письменное распоряжение султана, которого в мае 1390 г. добился венецианский посол Франческо Квирини. Распоряжение (текст сохранился лишь в итальянском переводе) было направлено «al mio Zalabi Curbay»⁵, в котором вернее всего можно видеть искаженное имя старшего сына Баязида I (Эртогрул Челеби). Что касается даты гибели Эртогрула, то наиболее вероятным представляется названный у Г. Левенклау 798 г. (16.10.1395—4.10.1396). Эту дату принимает, в частности, Мюкримин Халили (Ertogrul Celebi // *Islam Ansiklopedisi*. Col. 328a). Чем же объяснить, что 8 февраля 1398 г. уполномоченный правителя Теолого Эртогрула Челеби вручил главе хисской Маоны расписку о получении дани за 1396 г. в размере 562 дукатов!⁶ Полагаем, этот факт не может служить доказательством, что в 1398 г. Эртогрул по-прежнему являлся правителем Теолого, поскольку его уполномоченный вполне мог провести два года на Хиосе, ожидая уплаты дани. О причинах задержки Маонной выплаты дани хорошо пишет сама Э. Захариаду (№ 8, с. 160).

После Эртогрула османским наместником в Теолого являлся некий Инал-

⁴ *Lemerle P. L'Emirat d'Aydin, Byzance et l'Occident: Recherches sur «La Geste d'Umur Pacha»*. P., 1957.

⁵ *Diplomatarium Veneto—Levantinum, pars II / Ed. R. Predelli // Venetiis*. 1899. N 134. P. 222—223.

⁶ *Gioffrè D. Atti Rogati in Chio nella seconda metà del XIV secolo // Bull. de l'Inst. Hist. Belge de Rome*, 1962. 34. P. 373.

бей⁷, а летом 1400 г. правителем становится Сулейман Челеби⁸, которого Иоганн Шильбергер, попавший в плен к османцам после разгрома крестоносной рати у Никополя (25 сентября 1396), именует старшим сыном султана Баязида⁹, косвенно подтверждая, что к этому времени Эртогрула уже не было в живых.

Связь экономики и политики в середине века наглядно показана в статье «Цены на зерно и хлебные рынки Романии (1343—1405)» (№ 9), где прослеживается динамика цен на зерно на рынках Крита, Константинополя, Перы, Палатии, Килии и Каффы. Из подсчетов Э. Захариаду явствует, что до начала 40-х годов XIV в. цены были относительно стабильными. Их первый скачок произошел в 1343 г., т. е. — и автор это особо подчеркивает — еще за четыре года до начала «черной смерти». Резкое повышение цен явилось результатом событий 1343 г. в Тане (изгнание венецианских и генуэзских купцов Джанибеком), а также следствием кризиса в отношениях Венеции с эмиратом Айдын (обострение отношений в 1341 г. привело в 1344 г. к организации крестового похода против айдынцев и захвату крестоносцами Смирны). Высокие цены на зерно продолжали сохраняться до 1347 г.; в дальнейшем тенденция к их повышению несильно ослабла. Новый скачок был зарегистрирован в последнее десятилетие XIV в. Причиной необычайной дороговизны (цены свободного рынка в эти годы примерно вдвое превышали максимальные цены периода кризиса 40-х годов) была, по мнению автора, политика Баязида I (султанское эмбарго на вывоз зерна за пределы империи, действовавшее с 1390 по 1402 г.), а также захват Таны Тимуром в 1395 г. (№ 9, с. 299).

Один из выводов, к которым в результате своего исследования приходит Э. Захариаду, заключается в том, что как цены, так и условия торговли на зерновых рынках тюркских эмиратов За-

падной Малой Азии для венецианцев были гораздо более выгодны, чем на рынках Северного Причерноморья. Такое положение историк объясняет слабостью эмиратов, находившихся под постоянной угрозой со стороны Османской державы и поэтому вынужденных идти на уступки Венеции (№ 9, с. 300).

В работе «Завоевание Адрианополя турками» (№ 12) исследовательница привлекает внимание к «Панегирику Иоанну V Палеологу», поэме, написанной Иоанном Катакалоном по заказу адрианопольского митрополита Поликарпа, по всей видимости, незадолго до рождения 1366 г. Анализ этого сочинения позволил Э. Захариаду предположить, что Адрианополь все еще оставался тогда византийским городом.

Заканчивает сборник серия статей, в которых исследуются османские документы из архивов монастыря св. Иоанна Продрома в Серрах (№ 15), монастыря Дионисиат на Афоне (№ 16) и монастыря Иоанна Богослова на о-ве Патмос (№ 17). Архивные материалы, опубликованные Э. Захариаду, представляют большой интерес для изучения монастырской собственности, а также политики османских султанов в отношении христианских подданных. Кроме того, самый ранний из опубликованных документов, а именно указ (хюкм) Мурада I 774/1372—73 гг. о привилегиях, пожалованных монастырю св. Иоанна Продрома (№ 15, с. 2—3), важен и с точки зрения правильной оценки роли османских султанов в начальный период турецкого завоевания Балкан¹⁰.

Подводя итоги, следует отметить тематическое разнообразие и новаторский характер работы Э. Захариаду. В представленном сборнике достаточно полно отражена чрезвычайно сложная, бурная, насыщенная событиями всемирно-исторического значения эпоха — эпоха крушения Византии и образования Османской империи.

К. А. Жуков

⁷ Zachariadou E. A. Trade and Crusade... P. 80.

⁸ Noiret H. Documents inédits pour servir à l'histoire de la domination vénitienne en Crète de 1380 à 1485. P., 1892. P. 110—111.

⁹ Schiltberger J. Reisen in Europa, Asia und Africa von 1394 bis 1427 / Hrsg. von K. F. Neumann. München, 1859. S. 63.

¹⁰ На это обстоятельство обратил внимание, в частности, В. Бошков, отметивший, что уже со времен Орхана (1324—1362) османские султаны играли ведущую роль в завоевании полуострова и занимали главенствующее положение среди тюркских беев на Балканах. См.: Boškov V. Jedan originalan nišan Murata I iz 1386. godine u manastiru (Svetog Pavla na Svetoj Gori // Prilozi za Orijentalnu Filologiju. Sarajevo, 1977 (1), 1979. 27. S. 241—243.

Жоффруа де Виллардуэн. Взятие Константинополя. Песни труверов. М., 1984. 319 с.

Уже при ознакомлении с книгой обращает на себя внимание издательская аннотация, в которой мемуары Жоффруа де Виллардуэна рекомендуются читателю как один «из первых памятников художественной (курсив наш. — М. З.) прозы средневековой французской литературы». Это определение, собственно, представляет собой вариант даваемого переводчицей О. Смолицкой в ее вводной статье «Памятник средневековой худо-

жественной словесности» (с. 25) и неверно по существу, ибо мемуары «маршала Романии и Шампани», как называет себя сам хронист (§ 325), — историческое произведение, а не беллетристика. По уверению автора, он «не солгал... ни слова, ибо был на всех советах» (§ 120). Иначе говоря, в отличие от аналогичных по тематике записок другого участника Четвертого крестового похода, Робера де Клари, действительно несущих на себе